

ЯЗЫК КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Обосновывается мысль о социально-преобразующей функции языка. На примерах речевой практики современного общества демонстрируются различные проявления деформации языкового пространства и ее влияния на социальные процессы. Утверждается, что язык является мощным фактором социальных перемен. Аббревиатуры, многочисленные заимствования и многие другие новации в языке становятся «новоязом» — способом репрограммирования массового сознания во все переходные эпохи. Делается вывод о том, что разрушение языковой культуры неизбежно влечет за собой разрушение всей культурной среды, а вместе с тем разумной социальной реальности как таковой.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; концепт; ценностная составляющая языка; языковая экология; разрушение языковой культуры.

M. V. Payunena*PhD in Philology, Associate Professor,
Baikal State University of Economics and Law***LANGUAGE AS A FACTOR OF SOCIAL CHANGES**

The paper supports the idea of a socially transformative function of the language. The examples from the language use in the modern society demonstrate various manifestations of the language environment deformity and its influence on the social processes. It is argued that the language is as a powerful factor of social changes. Abbreviations, numerous borrowings and many other innovations in the language become the «Newspeak», a way of reprogramming public consciousness in all transition ages. The conclusion is made that destruction of the language culture inevitably results in destruction of the entire cultural environment and, with that, of the rational social reality as such.

Keywords: cognitive linguistic; concept; axiological aspect of language; linguistic ecology; destruction of language culture.

Четверть века назад Россия с радостью вступила на путь перестройки, демократизации и гласности. Народ стал более открыто и свободно выражать себя. И вот, спустя 25 лет, давайте оглянемся вокруг. Малограмотные журналисты пишут массу бестолковых статей, под которыми совсем уж безграмотные читатели оставляют шокирующие своими ошибками «комменты». Социальные сети — особая языковая среда: здесь безграмотность возводят в разряд правил, дескать, у нас такой специфический язык — это особый язык Интернета. (Жаль Интернет!) На улицах, в транспорте, кафе, кино — сплошной блатной жаргон и мат. В школах детишки 12–13 лет так разговаривают друг с другом, что бабушки, пришедшие за малышами, крестятся, как на нечистую силу. Учителя уже даже не делают им замечания. Да и учителя, как это ни ужасно, нередко и сами не отличаются безупречной грамотностью. («Следуя этим правилам, вы будите (!) хорошо готовы к экзамену», — было написано в одной иркутской школе на стенде для тех, кто готовится к ЕГЭ!). А море англицизмов и американизмов, льющееся на нас с экранов, из газет и радио, рекламных объявлений! Удивительно, что половина россиян до сих пор не го-

ворит по-английски, ведь при такой обработке они должны были бы свободно владеть этим языком с детства. Похоже, впрочем, что многие молодые люди не владеют никаким языком. Студентка одного из иркутских вузов на занятии по английскому воскликнула: «О, у меня на эту тему есть такая интересная история! Только я ее не смогу по-английски рассказать. Можно по-русски?» Заинтригованный преподаватель ей разрешил, но ожидание однокурсников было обмануто. Даже на родном языке девушка не смогла сказать ничего, кроме: «Один раз я, такая, это, ну, ваще, типа... Кароче, вот». Можно смеяться над такими историями, но они, увы, не единичны. Скучный, грубый и безграмотный — вот во что превращается некогда «великий, могучий, правдивый и свободный» русский язык. И. С. Тургенев верил, что «такой язык... был дан великому народу», а нам остается лишь «впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома».

Зададимся, в связи с этим, вопросом: насколько «безобидны» подобные процессы в языковой сфере с точки зрения их влияния на духовную культуру общества? Связь языка с историей и культурой народа несомненна. Но язык — это не просто отражение, фиксация истории и культуры. Если бы это было так, мы могли бы надеяться, что пройдут «смутные времена», и мы снова заговорим на том прекрасном языке, о котором так проникновенно говорил И. С. Тургенев. Но язык — это не только средство хранения и передачи историко-культурного опыта (это, скорее, функция письменного языка, который, по сути своей, не может быть приравнен к устному [13]). Мы забываем о творческой функции нашего языка. Он не только отражает ту реальность, в которой мы живем, но и активно творит, создает ее, и, говоря на малограмотном, грубом, лишенном красоты и гармоничности, но наполненном бестолковыми заимствованиями языке, мы порождаем и воспроизводим бытие на почве примитивных потребностей, без духовного начала, в серости и агонии упадка прекрасной русской культуры. В такой ситуации не удивительно, что мало кто прислушивается к ученым-филологам, бьющим тревогу. А между тем, поскольку язык, по определению В. А. Звегинцева, «это деятельность, вовлекающая все функции, делающие человека человеком» [4, с. 50], именно филологическое знание могло бы помочь правильно оценить ситуацию и найти выход. Б. Уорф в одной из своих работ приводит пример древних арабов: «...рассказывают, что два принца оспаривали друг у друга честь надеть туфли самому ученому из грамматистов королевства, а их отец, калиф, видел славу своего королевства в том, что великие грамматисты почитались здесь превыше королей» [10, с. 170]. Мудрые люди были эти древние арабы!

В лингвистике уже много лет традиционно идет полемика о соотношении языка и сознания, языка и мышления, языка и познания. Долгие годы господствовавший в языкознании формальный, структуралистский подход к языку, принеся свои плоды, все же оставил целый ряд неразрешенных вопросов. Изучение языка «в самом себе и для себя» (тезис, приписываемый Ф. де Соссюру — главному идеологу структурализма) не дало объяснения сущности и главной функции языка. Активный научный поиск привел к формированию новых дисциплин: психолингвистики, нейролингвистики, этнолингвистики, когнитивной лингвистики и т. д. Все они, как подчеркивает И. П. Сусов, показали неадекватность имманентного подхода к языку, поскольку игнорировали деятельностную природу языка и его органическую включенность в процессы жизнедеятельности человека и общества [9, с. 17].

Таким образом, языкознание вновь пришло к известному тезису В. Гумбольдта о том, что «язык есть не продукт деятельности, а деятельность», главная деятельность человеческого духа, которая лежит в основе всех других ви-

дов деятельности, он является не результатом духовной жизни, а самой этой жизнью [3]. «Гениальным предвозвестником новой теории языка» назвал Гумбольдта А. А. Потебня [7, с. 45]. Сам он также придерживался мнения о неразрывной связи языка и мышления и об их взаимозависимости — язык не только отражает особенности сознания, мышления, культуры, но и сам активно влияет на них: «Совершенствование мысли возможно только посредством ее сообщения, науки, поэзии, следовательно, слова» [Там же, с. 9]. Эта идея стала активно развиваться в 30-е гг. XX в. в рамках психолингвистики и этнолингвистики. Так, в 1934 г. в своей книге «Мышление и речь» известный отечественный психолог Л. С. Выготский писал: «отношение мысли к слову есть прежде всего не вещь, а процесс, это отношение есть движение от мысли к слову и обратно — от слова к мысли... Мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [2, с. 284].

Примерно в это же время американский лингвист и этнолог Э. Сепир пишет о том, что «люди живут не только в объективном мире и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который стал средством выражения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать реальность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых специальных проблем общения и мышления. На самом же деле «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» (Цит. по: [11, с. 135]).

Именно с этих слов Э. Сепира начинается одна из своих работ его последователь Б. Уорф. То, что, по словам В. А. Звегинцева [5, с. 114], для Э. Сепира было одним из направлений научного поиска, представляло наибольший интерес для Б. Уорфа, который развил и расширил данную идею, и сегодня мы знаем ее как гипотезу Сепира–Уорфа или гипотезу лингвистической относительности. Б. Уорф пишет: «грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза. Формирование мыслей — это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних случаях незначительно, в других — весьма существенно, так же как грамматический строй соответствующих языков. Мы расчленим природу в направлении, подсказанном нашим родным языком... Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» [10, с. 174–175]. Как следует отсюда, Б. Уорф занимает крайнюю позицию языкового детерминизма, которая нередко подвергалась сомнению и критиковалась. Гипотеза Сепира–Уорфа остается гипотезой, так как до сих пор никто из ученых не смог убедительно доказать или опровергнуть то, что наше познание окружающего мира определяется языком, на котором мы говорим¹. Однако уже то, что она вновь привлекла внимание лингвистов к роли языка в процессах познания и мышления, говорит о ее бесспорной значимости.

Бурное развитие информационных технологий во второй половине XX в. на некоторое время отвлекло лингвистов от размышлений о творческом нача-

¹ Впрочем, существуют достаточно весомые доводы в пользу этой гипотезы (см.: [6, с. 11]).

ле языка. Невероятно привлекательной оказалась идея создания искусственного интеллекта. Однако со временем очевидные неудачи в этой области, пожалуй, послужили одной из причин возврата к анализу сущностных свойств и функций естественного языка. Наиболее последовательно этот поиск осуществляется в рамках когнитивной лингвистики, которая, пройдя через несколько «поколений» развития, в настоящее время приходит к целому ряду важных выводов. Среди них выделим следующие. Язык, являясь определяющим фактором развития человека и «орудием мысли», или познания, полностью определяет эффективность всех форм жизнедеятельности человека и человеческого общества. Язык можно определить как «функциональную адаптивную деятельность, суть которой состоит в контроле информации» [6, с. 40]. В историческом масштабе языковое поведение людей, соответствующее определенным нормам и правилам, предстает не только как проявление культуры, но и как способ и форма ее существования [12].

В динамической замкнутой системе «человек — язык — среда — человек» все ее элементы находятся в состоянии активного взаимодействия, изменения в одном из элементов с необходимостью предполагают изменения всех остальных. Внутри этой системы область взаимодействия с письменными текстами обеспечивает пространственно-временное единство языкового сообщества и служит для него своеобразной экологической нишей [Там же]. Таким образом, с помощью языка мы в определенном смысле «творим» ту действительность, в которой живем.

Сила воздействия слова уже давно интуитивно подмечена людьми, она с успехом используется в эзотерической практике. В последние десятилетия все большую наукообразность приобретает практика так называемого нейролингвистического программирования. Оно широко применяется в прессе, а в период различных предвыборных кампаний приобретает особую значимость. Осознав, что с помощью языкового манипулирования можно насадить или, наоборот, истребить любую идеологию, определенные социальные группы все чаще этим пользуются, то исподтишка, а то и вполне открыто, не стесняясь. К примеру, подоплека недавнего истребления из речи слов «милиция», «милиционер» очевидна любому, даже неискушенному в тонкостях филологии, обывателю. Ведь даже без специального лингвистического исследования ясно, что, несмотря на многолетнюю дискредитацию, слово «милиционер» для большинства россиян, в первую очередь, обозначало человека, который по долгу службы защищает рядового труженика от преступников. Теперь же, когда многое из того, что во времена милиции считалось преступлением, стало «достойным бизнесом», название организации, очевидно, нужно было менять. Видимо, поэтому данная мера почти не вызвала протеста, в том числе и среди новоявленных полицейских.

В лингвистике до недавнего времени чрезвычайно популярным был концептуальный анализ языка. В различных языках выделялись и описывались ключевые для тех или иных лингвокультур концепты. Одним из наиболее популярных было определение концепта, данное Ю. С. Степановым: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [8, с. 40]. В структуре концепта выделялись три составляющие: понятийная, образная и ценностная. Именно выделение ценностной составляющей представляет наибольшую значимость концептуальных исследований языка, так как они показали, что каждое слово, входящее в лексический состав концепта,

и в особенности слово, служащее названием, заглавным словом концепта, активизирует ту область нашего сознания, в которой заложены соответствующие ценности. Понятийная и даже образная составляющие могут претерпевать значительные изменения в течение довольно непродолжительного времени, а вот ценностная, укорененная в истории и культуре народа, более устойчива. Следовательно, если есть потребность нивелировать ту или иную общественную ценность, необходимо извлечь из употребления слово, «отвечающее» за нее. Иногда слова «автоматически» выходят из употребления при резкой, революционной смене системы ценностей в обществе. Это, по-видимому, происходит со многими словами в современной России, к примеру, со словом «труд». Оно либо заменяется словом «работа», явно не обладающим такой же ценностной составляющей, либо не употребляется вообще. Даже его производное «трудно» стало нелюбимо народом, вместо «мне это трудно сделать» все чаще говорят «мне это сложно сделать», даже не задумываясь об изменении значения фразы и превращении ее в не очень грамотную. Однако, замена «милиции» на «полицию», совершенно очевидно, политический ход, убого прикрытый рассуждениями о «повышении профессионализма» в деятельности этой организации. Впрочем, в этом русле можно истолковать и некоторые грамматические новации. Так, сегодня названия войн стали писать с большой буквы. Что бы это значило? Раньше с большой буквы писали лишь Отечественную войну 1812 г. и Великую Отечественную. И этим они обозначались как великие нравственные деяния нашего народа. А что значит «Русско-японская война» или «Холодная война»? Это ведь может быть истолковано как знак преклонения перед войной вообще, знак одобрения всякой войны. Что же имели в виду авторы этого «усовершенствования»?

Общий упадок культуры и грамотности, явившийся результатом «преодоления пережитков мрачного тоталитаризма и благотворного раскрепощения» [1, с. 127], сопровождается финансово-экономическим, а в последнее время еще и законодательным удушением образования. В результате оно уже практически не в состоянии выполнять свою главную функцию — воспитывать интеллектуально развитых, свободно мыслящих, творческих членов общества. Куда там! У нас уже даже школа больше не называется школой, наши дети теперь учатся в МБОУ СОШ. В дореволюционной России не только в каждом городке, но и в каждой деревне самым красивым зданием был храм — люди строили его всем миром, сами ютятся в хижинах. Храм был выражением стремления людей ввысь, к свету и радости. В Советской России таким храмом стала школа. Еще и сейчас, если проехать по российским деревням, бросается в глаза, что самое лучшее, светлое и просторное здание — это всегда школа. Школа стала храмом знаний, которые обеспечивали будущее каждого человека и всей страны. Оценка обществом школы и ее роли была очень высока, профессия учителя была одной из самых почетных. Но вот ситуация в стране изменилась, образование все больше и больше стремится к тому, чтобы стать «элитарным», при этом качество массового образования заметно ухудшается с каждым «нововведением» в этой области культуры. И вот парадоксальная ситуация: стоимость дипломов все возрастает, а ценность образования в обществе падает. Многие дети не любят ходить в школу, а если и любят, то только ходить, но не учиться. Та же ситуация в вузах: один недавний соцопрос студентов показал, что большинство из них ходит в свой университет «потусоваться», пообщаться с приятелями, а вовсе не затем, чтобы чему-то научиться. Да и чему можно научиться в МБОУ СОШ или ФГБОУ ВПО?

Аббревиатуры становятся «новоязом» — способом перепрограммирования массового сознания во все переходные эпохи. Достаточно вспомнить

«термидор» времен великой французской революции. То же было у нас после Октябрьской революции 1917 г. В. В. Маяковский высмеял это «уродство» в стихотворении «Прозаседавшиеся». Писатель-историк В. С. Пикуль в романе «Честь имею» рассказывает, что в послереволюционные годы на флоте была должность заместителя командующего по морским делам. Сокращенное ее название, применявшееся в официальной переписке, было «замкомпоморде». Но, пожалуй, редко когда аббревиатуры плодились в таком количестве и были такими абсурдными, как сейчас. Причем, как это ни странно, многие из них относятся к сфере образования: МУ ДО (!) (Муниципальное учреждение дошкольного образования), МУ ДОД (!) (Муниципальное учреждение *дошкольного образования детей* (!)), ГБОУ ДОД ДМШ (Государственное бюджетное *образовательное учреждение дополнительного образования детей* «Детская (!) музыкальная школа»), ФГБОУ ВПО (Федеральное государственное бюджетное *образовательное учреждение высшего профессионального образования* (!)). Бессмысленные нагромождения, которые ставят в тупик не только любо-го, кто их читает, но подчас и тех, кто там работает и учится. Один из участников интернет-форума пишет (грамматика оригинала сохранена): «Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение “Детский сад № 2 общеразвивающего вида с приоритетом осуществления деятельности по социально-личностному направлению развития детей”». Наверное все встречались с подобным. У меня естественно возникает вопрос, а нельзя ли просто назвать Детсад № 2? Представьте, что нужно вписать название учреждения в удостоверение или больничный лист»¹.

Но разве думает об этом расплодившаяся со времени «победы над тоталитаризмом» чиновничья братия? Она ведь выполняет, чаще всего бессознательно, некий «социальный заказ». А он состоит в разрушении все еще существующих элементов «старой» социальной среды, в том числе путем «абсурдизации», поскольку иными путями новая среда создается, мягко говоря, с трудом. Главным же образом, усилия современной «элиты» направлены на формирование «нового человека», который был бы неспособен ни к осмыслению существующего общественного порядка, ни тем более — к творчеству нового, разумного порядка, который был бы основан на сохранении и развитии всего положительного содержания старого. Это, кстати сказать, представляет собой азбуку диалектики.

«Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» — говорил родоначальник современного языкознания В. фон Гумбольдт [3, с. 68]. Язык, как следует из представленного нами понимания его социальных функций, в значительной мере предопределяет то, что на нем будет выражено, а в конечном счете — реализовано в жизни. «Абсурдизация» языка осуществляется, конечно, не только с помощью нелепых аббревиатур. Есть и другие, даже более простые способы. Это прежде всего — примитивизация языка. К примеру, русский язык фиксирует пять основных переходов от любви к ненависти: любовь, расположение, безразличие, неприязнь, ненависть. Все они имеют, в свою очередь, многообразные оттенки. Но человек, не обладающий языковой культурой, не только не может выразить эти оттенки, но и не понимает разницы между ними. В результате у него «от любви до ненависти один шаг».

Язык формирует образ мысли, он передает культурный архетип и таким путем создает образ жизни человека. Разрушение языковой культуры неиз-

¹ URL : <http://club443.ru/arc/lofiversion/index.php/t177057.htm>.

бежно влечет за собой разрушение культурной среды, а вместе с тем — всей разумной социальной реальности. Таким образом, слово формирует не только мысль, но и способ человеческого существования. Язык — это сгусток духовной энергии, выработанной в историческом опыте народа. Поэтому он, будучи основой культуры и идеологии общества, выступает мощным фактором социальных перемен.

Список использованной литературы

1. Васильев С. С. Звучащие СМИ в системе языкового сознания современного общества: аспекты вербальной деятельности произведений массовой культуры и их влияние на массовое сознание / С. С. Васильев // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2012. — № 5 (15). — С. 127–133.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. — М. : Лабиринт, 1999. — 352 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. — М. : Прогресс, 2000. — 394 с.
4. Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике / В. А. Звегинцев. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. — 336 с.
5. Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа / В. А. Звегинцев // Новое в лингвистике. — М. : Изд-во иностр. лит., 1960. — Вып. 1. — С. 111–134.
6. Кравченко А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка / А. В. Кравченко. — Иркутск : Иркутская обл. тип. №1», 2001. — 261 с.
7. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. — М. : Лабиринт, 1999. — 300 с.
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М. : Языки русской культуры, 1997. — 824 с.
9. Сусов И. П. Интеграционный этап в развитии лингвистической теории и сущность вклада когнитивной лингвистики / И. П. Сусов // Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. — Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1998. — С. 16–21.
10. Уорф Б. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) / Б. Уорф // Новое в лингвистике. — М. : Изд-во иностр. лит., 1960. — Вып. 1. — С. 169–182.
11. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Новое в лингвистике. — М. : Изд-во иностр. лит., 1960. — Вып. 1. — С. 135–168.
12. Kravchenko A. Anglicisms in Russian in the context of the orientational function of language / A. Kravchenko, S. Boiko // Academia.edu. — URL : https://www.academia.edu/3730302/Anglicisms_in_Russian_in_the_context_of_the_orientational_function_of_language.
13. Kravchenko A. V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains / A. V. Kravchenko // Pragmatics and Cognition. — John Benjamins Publishing Company, 2009. — P. 527–548.

References

1. Vasiliev S. S. Speaking mass media in the language consciousness system of modern society: aspects of verbal activity of the mass media products and their influence on public consciousness. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl – Historical, social and educational thought*. 2012, no. 5 (15), pp. 127–133 (in Russian).
2. Vygotsky L. S. *Myshlenie i rech* [Thought and speech]. Moscow, Labyrinth Publ., 1999. 352 p.
3. Humboldt V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* [Selecta on linguistics]. Moscow, Progress, 2000. 394 p.
4. Zvegintsev V. A. *Mysli o lingvistike* [Thoughts about linguistics]. Moscow University Press, 1996. 336 p.
5. Zvegintsev V. A. Theoretical and linguistic premises for the Sapir-Whorf hypothesis. *Novoe v lingvistike – The new in linguistics*. Moscow, Foreign Literature Press, 1960, iss. 1, pp. 111–134 (in Russian).

6. Kravchenko A. V. *Znak, znachenie, znanie. Ocherk kognitivnoy filosofii yazyka* [Sign, meaning, knowledge: An essay in the cognitive philosophy of language]. Irkutsk, 2001. 261 p.
7. Potebnya A. A. *Mysl i yazyk* [Thought and language]. Moscow, Labyrinth Publ., 1999. 300 p.
8. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya* [Constants: Russian culture dictionary. Empirical research]. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1997. 824 p.
9. Susov I. P. Integration stage in the development of linguistic theory and the essence of cognitive linguistics' contribution. *Materialy Pervoy mezhdunarodnoy shkoly-seminara po kognitivnoy lingvistike* [Materials of the First International Seminar on Cognitive Linguistics]. Tambov State University Press, 1998. Pp. 16–21 (in Russian).
10. Whorf B. Language, thought and reality. *Novoe v lingvistike – The new in linguistics*, Moscow, Foreign Literature Press, 1960, iss. 1, pp. 169–182 (in Russian).
11. Whorf B. The relation of habitual thought and behavior to language. *Novoe v lingvistike – The new in Linguistics*, Moscow, Foreign Literature Press, 1960, iss. 1, pp. 135–168 (in Russian).
12. Kravchenko A. V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains. *Pragmatics and Cognition*. John Benjamins Publishing Company, 2009. Pp. 527–548.
13. Kravchenko A., Boiko S. *Anglicisms in Russian in the context of the orientational function of language*. Available at: https://www.academia.edu/3730302/Anglicisms_in_Russian_in_the_context_of_the_orientational_function_of_language.

Информация об авторе

Паюнена Марина Васильевна — кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: payunena@mail.ru.

Author

Marina V. Payunina — PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Foreign Languages, Baikal State University of Economics and Law, 11 Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: payunena@mail.ru.